

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАНАМИ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ в конце XVIII - начале XX в.

ORGANIZATION OF MUSLIM'S POPULATION IN VOLGA AND URALS REGIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE

A. Tikhonov

Annotation

This article is about the organization of Muslim's population in Volga and Urals regions in Russian empire. First of all in this article show the process the law regulation between the local government and Muslims. The author analyzed the proses of including Muslims of this region in confessional policy of Russian government. In this article show all difficulties in this way. Specially the author wrote about the role of local administration and their connection with Muslims.

Keywords: Orenburg Muslim's clergy administration, Muslims, mosque, general-governor, clergy, Tartars.

Тихонов Андрей Константинович

Д.и.н., профессор,

Российская академия народного хозяйства
и Государственной службы,
Владимирский филиал

Аннотация

В статье анализируется организация управления мусульманами Поволжья и Приуралья в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Первоначально дается разбор становления законодательной базы, которая регулировала взаимоотношения властей с мусульманами. Показан процесс встраивания мусульман в структуру российского общества, а также его сложности. Особо выделяется роль местных органов власти, а также работа с мусульманским духовенством.

Ключевые слова:

Оренбургское магометанское духовное правление, духовенство, генерал-губернатор, мусульмане, мечеть, татары.

Исследователь национального вопроса во внутренней политике Российской империи В.С. Дякин отмечал в отношении власти к российским мусульманам: "Первоначальная тенденция к большей или меньшей степени насильственной ассимиляции в форме обращения в православие и грубого ограничения в правах мусульман, составлявших до второй половины XVIII в. основное национально-конфессиональное меньшинство населения России, была при Екатерине II сменена политикой веротерпимости. Речь шла о буквальном понимании этого термина – власть соглашалась терпеть в государстве неправославное население, регламентируя его права, но сохраняя за православной церковью значение первенствующей"[1, с. 16].

Ситуация изменилась во второй половине XVIII в., когда в состав Российской империи вошли обширные мусульманские анклавы в Северном Причерноморье, на Кавказе и в Крыму. На Урале подданными России стали башкиры, и границы империи вошли в соприкосновение с кочевыми народами, исповедующими ислам. Мусульманское население России стало слишком значительным. Поэтому на повестку дня встал вопрос о выработке целостной политики в отношении мусульман России и организации для них специального управления. Подтолкнули к этому и ряд восстаний башкир, включая их участие в пугачевском восстании. Так, 22 февраля 1784 г. вы-

шел именным указ Сенату "О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства"[3, т. 22, ст.15936], по которому крымско-татарская и волжско-мусульманская знать была уравнена в правах с российским дворянством. Это было сделано с целью привлечения на свою сторону верхи мусульманского общества России. Основными для определения устройства поволжских мусульман России в 80–90-е годы XVIII в. стал указ от 2 сентября 1788 г. "Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведования всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими".

В нем говорилось об учреждении в Уфе духовного собрания магометанского закона, которое "имея в ведомстве своем всех духовных чинов того закона, в разных губерниях пребывающих, исключая Таврической области, где особое есть духовное управление, в случае надобности определять их куда-либо вновь, сии люди были испытываемы, и не иначе определяемы, как когда признаны будут достойными; со стороны же наших генерал-губернаторов, правящих ту должность, в отсутствие же их губернаторов, наблюдать, дабы к исправлению духовных должностей магометанского закона употребляемы были люди в верности надежные и доброго поведения. В духовном Собрании упомянутом председательствовать перво-му Ахуну Мухамет Джан Гусейну[11], коего Мы Всемило-

стивейше жалует муфтием, с производением ему жалованья по 1500 рублей на год, и с ним заседать 2 или 3 муллам из казанских татар, в верности к Нам и в добропорядочном поведении их испытанном, с жалованием по 1200 рублей на год"[2, с. 50].

В итоге "в округе Оренбургского магометанского духовного собрания высшее магометанское духовенство составляют оренбургский муфтий и ахуны, а приходское при соборных мечетях хатыпы (муллы), имамы, маязины, при простых мечетях имамы и маязины...

Высшие духовные чины (муфтий и ахуны) лично свободны от рекрутской повинности и телесных наказаний за преступление...

Оренбургское магометанское духовное собрание составляют председательствующий муфтий и три члена, а канцелярию – секретарь, столоначальник, переводчик, журналист и канцелярские служители по штатам.

Кандидаты на место муфтия избираются магометанским обществом и один из них по представлению министра МВД утверждается Высочайшей Властью"[7, с. 210, 211, 213, 217, 218, 219, 223, 224].

Таковой система управления мусульманами сохранялась до апреля 1905 г. Как видим, с одной стороны, она была устроена таким образом, что на самый верх мусульманской иерархии могли попасть только абсолютно лояльные российским властям люди. С другой, власти изначально не стремились вмешиваться во внутриконфессиональную жизнь российских мусульман.

Следующим важным вопросом во взаимоотношениях властей и мусульманского населения поволжского региона стал вопрос о порядке возведения культовых зданий мусульман. По строительному уставу 1836 г. (впоследствии он был фактически продублирован уставом 1900 г.) построение мечетей "допускается не иначе как по представлениям от приходов и приходских чинов магометанскому духовному начальству и с утверждения начальства губернского, после надлежащего удостоверения в необходимости сего построения, а равно и в достаточности средств для приличного их содержания. При построении мечетей в селениях наблюдать, чтобы они сооружаемы были не на площадях, а где оных нет, там на расстоянии не менее 10 сажень от строений (по Уставу строительному 1900 г. – 20 сажень от строений" [8, с. 140]. Оговаривалась также необходимость для мусульманского общества заявить в общественном приговоре свое согласие на выделение необходимых средств на строительство и содержание мечети и духовенства[9, с.36].

Прежде всего, предусматривалось строгое соблюдение положения о строительстве мусульманских мечетей при числе душ мужского пола не менее чем 200 человек. Также запрещали строительство мечетей и возобновление старых в местностях, где живут крещеные татары, особенно если там нет православных храмов. Запрещалось строительство мечетей в центрах городов и на торговых площадях. Разрешение на строительство мечетей мусульманскому обществу стало выдавать гражданское

начальство по согласованию с епархиальным. Мечети, поставленные с нарушением правил, признавались не самостоятельными. Такие мечети либо присоединялись к большим приходам, либо на их поддержание не позволялось выделять средства, вследствие чего они приходили в ветхость[4, д.743, л. 27–28].

Особо оговаривались требования к муллам и их числу при мечетях. Требовалось, чтобы они были только при самостоятельных мечетях из расчета один мулла на 200 – 1,5 тысячи душ мужского пола. Муллы должны быть не моложе 22 лет (желательно 28–30), с уровнем образования не ниже гимназического [4, д.743, л. 28 об.]. Для крещеных татар предусматривалась организация богослужения на татарском языке, воспрещалось брать с крещеных татар плату за требы и, одновременно, включалось требование в приговоры мусульманских обществ назначать жалованье учителям русского языка в мектебах при мечетях. В районах, удаленных от православных приходов, где проживали крещеные татары, направляли священников с походной церковью для совершения христианских треб бесплатно[4, д.743, л. 45, 58, 63].

Особое внимание уделялось подбору высшего мусульманского духовенства и, прежде всего, муфтия. Оренбургскому духовному магометанскому правлению с центром в городе Уфе подчинялись мусульмане Поволжья и Башкирии, которые доставляли наибольшее беспокойство. Поэтому главным требованием к оренбургскому муфтию являлась преданность центральным властям и проводимой ими политике. К претендентам на пост муфтия выдвигались также следующие требования: быть российским подданным, знать русский и арабский языки, на высоком уровне разбираться в догматах веры, быть не моложе 30 лет и иметь образовательный ценз не ниже гимназии. Из всех кандидатов отбирались два человека, кандидатуры которых направлялись в МВД. Там отбирали одного, назначение которого должен был утвердить император. В середине XIX в. муфтием Оренбургского духовного магометанского правления был избран Тевкелев Салим Гирей Шангереевич. Он руководил Оренбургским магометанским духовным правлением практически весь период II половины XIX в. и многое сделал для лояльности российских мусульман властям.. В состав Оренбургского магометанского собрания назначался человек от правительства из русских чиновников, которые обязаны были участвовать во всех собраниях, как в духовных, так и в гражданских делах, наблюдать за соблюдением отчетности делопроизводства. В отношении мулл предусматривалось их умение читать и писать на русском языке, прежде всего, для ведения метрических книг [4, д. 611, л. 10 – 10 об.].

Однако, всю первую половину XIX в. организация управления поволжскими мусульманами в Российской империи оставалась сложной. Поэтому МВД разослало циркуляры в губернии со значительным процентом мусульманского населения с задачей прислать свои предложения по улучшению управления мусульманами. Прежде всего, это требование относилось к руководите-

лям поволжских и уральских губерний. Все они составили "Дело по вопросу об изменении порядка управления делами магометан России в целях борьбы с исламом", датируемое первой половиной 70-х гг. XIX в. Если обобщить отчеты генерал-губернаторов, то основное внимание они уделили следующим вопросам и проблемам: "1) не следует правительству вмешиваться в вопросы назначения и экзаменования мулл и заботиться об удовлетворительности их религиозных знаний. Следует указать лишь способ удостоверения в духовной компетенции мулл собственными его средствами; 2) следует указать различный порядок подсудности мулл за нарушение духовных и служебных обязанностей. Это нужно для избежания вмешательства гражданской власти в дела религии. У духовного собрания мало возможностей для действительного надзора за деятельностью приходского духовенства; 3) муллы могут осуждаться правительственными учреждениями за нарушение их обязанности по отношению к правительству (т.е. за преступления по должности); 4) законы должны определять степень власти магометанского духовенства в делах гражданских; 5) ведение метрических книг следует изъять из сферы деятельности магометанского духовенства; 6) главная идея преобразований Магометанского духовного управления – сохранение во всей полноте начал веротерпимости и отделение дел религии от дел управления; 7) целесообразно учесть замечания новороссийского и бессарабского генерал-губернатора об образовании вместо Таврического магометанского духовного правления особого отделения при губернском правлении. Также упразднить Оренбургское духовное собрание как особое учреждение Министерства внутренних дел" [4, д. 611, л. 228 об. – 229 об.].

Свои планы преобразований выдвигали как губернаторы, так и мусульманское духовенство. Интерес представляют проекты двух наиболее заинтересованных сторон: Оренбургского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Н. А. Крыжановского как управляющего территорией с самым большим процентом мусульман в стране и имеющего на своей территории в г. Уфе Магометанское духовное правление, и верховного муфтия этого правления С. Г. Тевкелева. Первый из них предлагал: "1) в состав Оренбургского магометанского собрания назначить члена от правительства из русских чиновников, на обязанности которого возложить: участие во всех постановлениях собрания, относящихся как к духовным, так и к гражданским делам; наблюдение за канцелярией собрания, за правильным делопроизводством и за ведением отчетности; 2) назначаемые муллы должны сдавать экзамены на знание русского языка и вести метрические книги по-русски; 3) уменьшить количество мечетей и духовных лиц, приведя их в соответствие к законам установленной норме.

По духовному управлению башкир: 1) муллою назначить лишь знающего русский язык, а через 7 лет – окончившего русскую гимназию. Освободить учеников-башкир от поступления в духовные сословия и занятия други-

ми иностранными языками. Число мулл определить по числу мечетей, а их по числу душ в них. Всех мулл не выдирать, а назначать; 2) назначить муллам содержание из казны, одновременно запретив поборы с населения, а также поставить их в зависимость от правительства. Для этого обложить башкир прямым налогом на содержание духовенства, определив его по количеству прихожан в мечети" [4, д. 611, л. 219 об., 221, 222 об.].

При этом главная задача такого закона состояла в необходимости избежать противодействия магометанского духовенства в отношении правительства. Проект муфтия Оренбургского духовного правления включал два основных положения: "1) учреждение новых должностей ахунов, на которые возлагается надзор за мечетями и школами; 2) преобразования духовного собрания: на число семей менее 20 – один молитвенный дом, более 20 – пятивременная мечеть. Более 100 семей – соборная мечеть. При каждой мечети дозволить иметь медресе. Избранные на духовные должности проходят испытания в духовном собрании. Оно должно состоять из муфтия, его помощника и трех заседателей, избираемых на три года не одной Казанской губернии, как ниже, а по одному из каждой губернии" [4, д. 611, л. 224 об. – 225. Как увидим, в результате в Устав духовных дел иностранных исповеданий 1896 г. вошли несколько другие, измененные положения.]. Эти проекты рассматривались при составлении Устава духовных дел иностранных исповеданий, и ряд положений из них вошли в него.

В середине 70-х гг. XIX в., перед началом русско-турецкой войны, возросла активность турецкой пропаганды на российских мусульман. Для противодействия подобным явлениям по заданию МИДа Российской империи российский посланник в Константинополе изложил свои личные наблюдения. Упор он сделал на решение двух проблем: совершенствование управления территориями с мусульманским населением в России и улучшение благосостояния проживающего там населения, а также пропаганда через русско-татарские и русско-арабские газеты правдивой информации о жизни в Османской империи [4, д. 754, л. 23, 24].

Перед началом войны с Османской империей 1877–1878 гг. в МВД из Константинополя поступило секретное донесение, датируемое 5 июля 1876 г., об активных контактах местного мусульманского населения с российскими мусульманами с пропагандой среди них идей религиозного фанатизма. С этой целью делались попытки провезти оружие в Крым и на Кавказ, рассылались агенты из российских же мусульман-фанатиков и предпринимались безуспешные попытки склонить одного из проживающих в Константинополе сыновей покойного к тому времени Шамиля к возбуждению горского населения на Кавказе и с указанием способных на это людей. Сторонники "Юной Турции" строили планы к достижению независимости Кавказа и Крыма и возбуждали в мусульманах всего света религиозный фанатизм [4, д. 1174, л. 76].

Другой стороной подобной пропаганды и слухов явились массовые случаи перехода крещеных татар в мусульманскую веру. По законам того времени для этого необходимо было подать прошение в МВД. Во второй половине XIX в. таких прошений набралось большое количество. Особенно много их было из Казанской, Самарской и Саратовской губерний. Так, в 1866 году только в Казанской губернии из православия в мусульманство перешли около 4 тысяч человек [4, д. 743, л. 22]. Все эти действия заставляли правительство России искать выход из создавшегося положения и, прежде всего, выяснить причины такой ситуации. МВД и Синод разослали письма губернским властям, архиепископам и митрополитам Поволжского региона с целью разобраться с происходящими событиями и выработать эффективные меры противодействия.

В качестве основных причин роста беспокойства российских мусульман в ответах с мест назывались следующие:

1. Нарушение правил строительства мусульманских мечетей. По существующему закону одна мечеть должна приходиться на 200 душ мужского пола. Необходимо было также решение общества, которое намеревалось составить новый приход, на их согласие, наличие необходимых средств на строительство и содержание мечети и духовенства, а также согласие руководства соответствующих губерний и мусульманского духовного начальства [10, ст. 683, 685].

В Поволжье же (особенно в Казанской губернии) на 1866 год в списках населенных пунктов числилось 244 незаконно существующие мечети [4, д. 743, л. 19]. В татарской слободе города Казани построили 12 мечетей (практически через улицу) [4, д. 743, л. 27]. Это было связано с тем, что мечети строились при наличии десяти, пятнадцати, двадцати лиц мужского пола и самовольно. Поэтому на одно селение приходилось несколько мечетей. Это относилось только к соборным мечетям с минаретами. Количество же простых пятивременных (без минаретов, фактически молитвенных домов) было намного больше, к тому же они оставались незаметными. В то время как православных церквей в Казанской губернии насчитывалось одна на несколько сел, что в среднем составляло 1 церковь на 1,5 тысячи душ мужского пола, а в ряде мест и на 1800 душ [5, д.408, л.63 об.].

В середине 60-х годов XIX в. в Казанской губернии православное население насчитывало 1180538 душ, из них мужчин – 585170 человек. Мусульманское население составляло в те же годы 447476 душ, из них мужчин – 220196 человек. Церквей в губернии числилось 485, а мечетей – 710 [4, д. 743, л. 19]. Большое количество мечетей давало возможность муллам открывать больше медресе. В итоге грамотность татарского, мусульманского населения была выше, чем православного. Для татарских школ при типографии Казанского университета печатались, часто даже на казенные средства, учебные книги и Коран на арабском языке. Для русского населе-

ния издания христианских богослужебных текстов за счет государства не предусматривалось [4, д. 743, л. 21 об.]. В результате мусульманское духовенство имело больше возможностей не только для оборонительной, но и для наступательной пропаганды, и русское население региона тянулось к мусульманам как более грамотным по многим вопросам.

2. Активная пропаганда со стороны мулл [4, д. 743, л. 45]. Они обходили деревни и уверяли, что крещеным татарам разрешен переход в магометанство и в верхних эшелонах власти готовится указ о свободе вероисповедания [4, д. 743, л. 71 об.].

3. Принятие татарами крещения по принуждению, либо для пользования льготами, которые давало правительство. Кроме того, нередко крещеные татары жили в одних селениях с татарами-мусульманами. Часто в таких селах отсутствовали церкви, но были мечети. Крещеные татары нередко не знали русского языка, а немногочисленное православное духовенство в регионе не знало татарского языка, относилось к вновь крещеным татарам сугубо официально, а нередко и пренебрежительно. За выполнение православных треб священники требовали значительного материального вознаграждения, а крещеные татары выполняли их больше из страха наказания. Детей крещеных татар за отсутствием православных школ обучало мусульманское духовенство, естественно, в духе исламского учения [4, д. 743, л. 70 – 71 об.].

4. Крещеные татары не знали догматов христианского учения, русского языка, многие не имели православных приходов ближе, чем за 40–50 верст. Поэтому церкви они не посещали, а нередко, будучи крещеными, шли в мечеть, которая располагалась ближе церкви, где догматы ислама разъяснялись муллами [4, д. 743, л. 81, 89, 91].

5. Русские, православные простолюдины пренебрежительно смотрели на крещеных татар, называли их "крещеник" или "крещенка", а иногда и "крещенка лопатка". Наоборот, мусульмане обращались с крещеными татарами на равных. Это обстоятельство подталкивало их к исламской вере [4, д. 743, л. 96].

6. Быт крещенного татарского населения был более сходен с мусульманским укладом жизни.

Все эти обстоятельства указывают на формальное отношение местных властей и православного духовенства к вопросам крещения иноверцев. Основное внимание уделялось лишь количественным показателям, а мусульманские проблемы воспринимались упрощенно. После достижения в своих уездах определенного числа перекрещенных интерес к ним снижался. Мусульманское же духовенство продолжало активно вести работу с крещеными в православии татарами, а нередко и усиливало ее. Не случайно МВД на рубеже XIX–XX вв. приняло жесткие меры к крещеным татарам за переход назад в мусульманство. Департамент общих дел МВД рассмотрел по данному вопросу документ "О сепаратных стремлениях среди проживающих в России инородцев". Меры

заклучали в себе 4 положения: 1) изъятие земельного надела в пользу православных татар; 2) переселение в мусульманские деревни; 3) обособление участников татар-христиан и мусульман; 4) при переходе семьи в магометанство каждого члена спрашивали, хочет ли он этого добровольно, а несовершеннолетних членов семьи оставляли в христианстве [6, д. 86, л. 355]. Этим незамедлительно воспользовались мусульманские пропагандисты, направляемые из Османской империи.

В таких условиях возрастала опасность роста популярности идей панисламизма, которой чрезвычайно опасались в Российской империи ввиду непростых, а нередко и враждебных отношений с мусульманскими государствами и, прежде всего, с Османской империей. МВД, с привлечением высшего мусульманского духовенства (оно было лояльно властям, так как получило массу привилегий, широкую власть над единоверцами и высокое денежное содержание) и властей регионов, населенных по преимуществу мусульманами, выработало целый ряд мер по усилению контроля над населением, исповедующим ислам и, прежде всего, над низшим мусульманским духовенством.

Обобщенно эти меры изложены в отчете генерал-губернатора Оренбургского края, генерал-лейтенанта Н. А. Крыжановского "Отчет по управлению Оренбургским краем с февраля 1865 г. по март 1866 г.", один из разделов которого он так и назвал "Меры по ограничению исламизма": 1) Убеждение и просвещение. 2) Веротерпимость, но без разрешения мусульманской пропаганды. 3) Свести число мечетей в крае до числа народа и установленных законом норм. В Оренбурге нет хорошего собора, а есть изящно построенная мечеть, которая стоит посреди двора губернского присутствия. 4) Убрать изпод ведомства мусульманского духовенства татарские школы, коих 600 с 20 тыс. учеников, а также ввести в них обучение русскому языку. 5) Муллы должны знать русский язык и русскую грамоту. 6) Ограничить общение мусульман вновь приобретенного Туркестанского края от татар и башкир. 7) Отклонить магометанское духовенство от противодействия правительству. 8) Усилить православие в крае: увеличить число священников, православных церквей, улучшить быт духовенства. 9) В Оренбургское магометанское собрание назначить члена от Правительства. 10) Избираемые в муллы должны подвергаться испытанию в русском языке, метрические книги вести на русском. 11) Ограничивать под благовидными предлогами паломничество в Мекку" [4, д. 594, л. 29 об. – 34]. Главной причиной распространения исламизма Н. А. Крыжановский видит в отсутствии контроля за мусульманами со стороны власти. В результате исламское духовенство взяло в свои руки народное образование и пропагандирует мулла как высших представителей религии и борцов за чистоту веры [4, д. 594, л. 36 об.].

Последней причиной, вызвавшей массовые волнения российских и, прежде всего, поволжских мусульман, стало введение всеобщей воинской повинности в 1874 году. После ее введения мусульманскому населению не бы-

ли даны никакие разъяснения. В итоге поползли слухи, что после прохождения воинской повинности татары и башкиры окажутся на положении крестьян, у них отберут землю в казну, которой они владеют на правах вотчинников [4, д. 754, л. 40 об.].

Известие об отбывании воинской повинности еще больше вызвало брожение умов мусульман, прежде всего в Поволжье и Башкирии, так как до этого они платили денежный взнос вместо прохождения рекрутчины и считали, что такой порядок сохранится и после введения всеобщей воинской повинности. Как следствие – отказ выдавать метрические книги под любым предлогом для определения возраста юношей-мусульман. Обычный ответ мулл: "метрические книги отобрали прихожане, заперли в мечети, а ключи держат у себя. Сами их не отдадут, а насильственное изъятие может привести к столкновениям" [4, д. 754, л. 47 об.]. В связи с введением всеобщей воинской повинности распространился слух и о насильственном переводе из мусульман в христиан. Основные опасения такого рода можно проиллюстрировать в прошении-жалобе мусульманских крестьян Самарской губернии Бугульминского уезда Мензлибашевской волости от 4 декабря 1878 г.:

1. По распоряжению местного священника Скворцова 24 мусульманские семьи приписаны к церкви.

2. В мусульманских селениях устанавливают колокола, чтобы на случай пожара бить в них, а это противоречит шариату – в мусульманских селениях не должно быть колоколов и крестов.

3. Собранные средства с неграмотных отдают в волостные правления, где они могут быть присоединены к таким договорам, которые противоречат шариату и в итоге объявить, что они хотят перейти в христианство раз дают на это деньги.

4. Введение русского языка в процесс преподавания в медресе, а это путь к переkreщиванию и забвению мусульманской веры" [4, д. 754, л. 86 – 87].

Только вмешательство высшего мусульманского духовенства во главе с муфтием и их разъяснения разрядили ситуацию [4, д. 754, л. 56 об. – 57].

Одновременно азиатский департамент МИД составил особую форму военной присяги для мусульман с учетом требований Корана и мусульманского права, так как содержание мусульманских законов дает возможность произвольно истолковывать смысл всех постановлений, особенно если они налагают на них обязательства по отношению к христианам. Слово "должен" стало предшествовать клятве, как и положено по мусульманским законам, а словосочетание "законный Государь" заменено на "истинный" (у мусульман законным является только то, что исходит по праву халифата) [4, д. 1152, л. 20 об. 30]. Все эти особенности были учтены специалистами по исламу и перекрыли возможность использовать расхождения в гражданском и мусульманском праве для уклонения от воинской службы.

В конце 70-х годов XIX в. представители татарской знати выдвинули свои требования к властям Российской империи. Они обобщили предложения мусульманского населения, прежде всего крестьянских общин Поволжья и Башкирии, и направили их в МВД. Многие из них оформились под влиянием пропагандистов, прибывших из Османской империи. Основными требованиями мусульман были следующие:

1. Раздел наследственного имущества мусульман должен осуществлять имам по законам шариата без участия светских властей;
2. Освободить медресе и все мусульманские школы из ведения министерства народного просвещения и не считать русский язык обязательным для них;
3. Предоставить освобождение от воинской повинности учащимся мусульманских школ;
4. Предоставить право мусульманам – русско-подданным самим выбирать себе муфтия;
5. Выборы заседателей магометанского духовного собрания проводить одинаково по всем губерниям;
6. Прибавить жалованье заседателям магометанского духовного собрания; сделать пятницу выходным для мусульман [4, д. 754, л. 123 об. – 124 об. Российские власти испытывали трудности и в получении трупов магометан (прежде всего – арестантов) для проведения антропологических исследований. На запрос министерства просвещения в департамент духовных дел иностранных исповеданий весной 1870 г. последовал ответ тайного советника Казым-бека: "мусульманской религией запрещено вскрывать трупы мусульман, кроме случаев, когда умирает беременная с целью спасения ребенка".

МВД подтвердил это заключение и предложил использовать для антропологических целей трупы крещеных татар. [4, д. 1186, л. 3–4].

Все эти требования остались без удовлетворения и ответа. Главная причина отказа состояла в том, что, по мнению правительства, любая уступка породит в мусульманах желание не подчиняться властям, так как они почувствуют их слабость. Впоследствии мусульманские наказы повторяли в той или иной степени вышеизложенные, которые превратились в плохо управляемый поток после издания указа о веротерпимости 17 апреля 1905 года.

Таким образом, период второй половины XIX в. во многом определил последующие действия российских властей в отношении поволжских мусульман. Главная задача состояла в сохранении спокойствия в регионах с компактным проживанием последователей ислама. Достичь такого положения стремились путем воздействия через зависимое от российского правительства руководство Оренбургского магометанского духовного правления и вовлечение мусульман в систему выстраивания, путем реформ, основ гражданского общества. При этом власти не вмешивались во внутриконфессиональную жизнь российских мусульман. Однако центральная и местная власть строго пресекала любые попытки распространения мусульманского влияния на православное население и, наоборот, поощряла переход из ислама в православие, создавая для такой категории населения всевозможные экономические льготы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. – 1042 с.
2. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. – 363 с.
3. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ)–I. Т. 22. Ст. 15936.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 743. Л. 27–28.
5. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 408. Л. 63 об.
6. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 86. Л. 355.
7. Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Кн. 5. Об управлении духовных дел магометан. СПб., 1857. С. 210, 211, 213, 217, 218, 219, 223, 224. 2 июля 1865 г. по утвержденному императором мнению Государственного Совета управление башкирами передавалось из военного в гражданское ведомство. (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1076. Л. 32.)
8. Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. 4. Кн. 2. Свод Уставов Строительных. СПб., 1836. Ст. 683, 685.
9. Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. 1. Устав Строительный. 1900. СПб., 1900. Ст. 155. С. 36.
10. Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. 4. Кн. 2. Свод Уставов строительных. Гл. II. О постройке церквей иноверческих и мечетей. Ст. 683, 685. СПб., 1836. Фактически дублирует его: Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. 1. Устав строительный. Глава V. О постройке магометанских мечетей. Ст. 155. СПб., 1900.
11. Хусейнов (Гусейнов, Гусейн) Мухамеджан (ум. в 1824 г.) – русский дипломат и разведчик на Кавказе и в Центральной Азии, член Вольного Экономического общества, первый оренбургский муфтий (1788–1824).